

Второй том сборника включает в себя работы, опробовавшие иеротопические подходы на широком тематическом материале от культуры Древнего Египта до новейшего искусства, включая и русскую классическую литературу XIX в. Так, М.А. Чегодаев исследует иеротопию древнеегипетского саркофага, Л.И. Акимов и А.В. Подосинов рассматривают античную сакральность. Сакральное в европейском искусстве раннего Нового времени анализируется в статьях Томаса Дейла, Джейн Гарнет, Джервейс Россер, М.Н. Соколова. П.Р. Гамзатова определяет восточный ковер как средство создания сакрального пространства. Византийская проблематика не обойдена и во втором томе сборника, которой посвящены статьи Маргарет Баркер, Жаклин Тюрк. Различные формы сакрализации пространства в культуре Нового времени и современности исследуются в статьях Франческо Пеллици, А.Б. Мороза, Л.А. Беляева, Е.И. Кириченко, Ксаны Бланк, Николетты Исар.

Концептуальный импульс, данный А.М. Лидовым, подвигнул участников проекта не только развивать феноменологическое описание сакрального (что, само собой, не ново для науки), но скорее сконцентрировать усилия на углубленном анализе путей и средств его формирования. Это, несомненно, обновляет традиционную методологию, позволяя обнаружить новые сюжеты и ракурсы, ранее ускользавшие от внимания исследователей.

Двухтомник благодаря своему тематическому охвату и методологическому богатству представляет собой заметное явление в отечественной науке. Важно отметить международный характер воплощенного в сборнике проекта: в нем участвуют ведущие авторы из России, Западной Европы и США, работы некоторых из этих исследователей открыли целую эпоху в современной науке. Столь широкое участие иностранных и отечественных коллег в проектах А.М. Лидова, с одной стороны, дает лишнее подтверждение интернациональности подлинной науки, ее чуждости какой бы то ни было языковой, культурной и иной фрагментированности, а с другой – несомненно свидетельствует о высоком престиже отечественного гуманитарного знания, способного генерировать принципиально новые подходы, открывать новые исследовательские горизонты.

Р.М. Шукуров

The Occult Sciences in Byzantium / Ed. P. Magdalino, M. Mavroudi. Geneva, 2006. 468 p.

Рецензируемый сборник статей под редакцией Пола Магдалино и Марии Мавруди представляет собой материалы коллоквиума, посвященного оккультным наукам в Византии, который проходил в ноябре 2003 г. в центре византийских исследований Dumbarton Oaks в Вашингтоне. Изучение оккультных наук (астрологии, алхимии, нумерологии) было распространенным явлением среди византийских интеллектуалов. Достаточно вспомнить Иоанна Грамматика, Михаила Пселла, Мануила Палеолога, Никифора Григору, Георгия Трапезундского.

Для образованных византийцев оккультные науки были тесно связаны как с античным философским наследием, так и с восточной интеллектуальной традицией. Но каким образом интерес к оккультному уживался с православной доктриной и с официальным запретом на использование магии? Какое место отводили сами византийцы оккультному знанию?¹ На эти вопросы и попытались ответить участники коллоквиума.

¹ Особое внимание этому вопросу уделено в недавно вышедшей монографии: *Magdalino P. L'orthodoxie des astrologues. La science entre le dogme et la divination a Byzance (VIIe-XIVe siècles)* // *Réalités Byzantines*. P., 2006. 12.

Сборник предваряет большая статья одного из организаторов коллоквиума Марии Мавруди – “Оккультные науки и общество в Византии. Размышления для будущих исследований” (с. 39–96). Мавруди, начинавшая как издатель оккультных текстов, выходит на новый уровень теоретизации проблемы и предлагает новые методы и подходы для ее изучения². Исследовательница уделяет особое внимание изучению статуса оккультных наук в Византии. Большая часть статьи посвящена отношению византийских императоров к оккультному знанию. На многочисленных примерах М. Мавруди демонстрирует, что византийские императоры нередко проявляли интерес к оккультным наукам: Мануил Комнин писал в защиту астрологии, Андроник III Палеолог заказывал у Никифора Нригоры гороскоп, а Мануил II Палеолог был автором трактата о толковании сновидений.

Статья Катерины Иеродиакону посвящена теории космического притяжения (συνλάθεια), тесно связанной с концепцией оккультного знания (с. 97–118). Автор прослеживает путь от рождения теории в среде стойков до ее развития и переосмысления в сочинениях Михаила Пселла.

Пол Магдалино в статье “Оккультное знание и имперская власть в византийской истории и историографии IX–XII вв.” анализирует образ оккультных наук и облик изучающего оккультное ученого в нарративных источниках средневизантийского периода (с. 163–204). Он рассматривает развитие оккультных наук в тесной связи с политической историей Византии. Особое внимание П. Магдалино уделяет изучению апокрифических апокалиптических пророчеств, а также отношению к ним со стороны светской власти и церкви.

Мария Папатанассиу исследует сочинения Стефана Александрийского, ключевой фигуры в истории передачи античного наследия как византийскому, так и арабскому миру. Статья интересна новыми убедительными аргументами в пользу аутентичности астрологических и алхимических трактатов, приписываемых Стефану, а также оригинальными интерпретациями сюжетов из его сочинений.

Мишель Мертен посвятил свою статью рецепции работ знаменитого античного алхимика Зосимы из Панополиса в Византии (с. 205–230). Дэвид Пингри исследует влияние аббасидской астрологической школы на византийских интеллектуалов (с. 231–244).

Вильям Адлер анализирует проблему совместимости астрологии с христианской доктриной на примере сочинений византийских авторов XII в. Статьи Анны Тихон (с. 265–290) и Джошуа Холо (с. 291–324) посвящены вопросу разграничения астрологии и астрономии в византийских трактатах. Чарльз Барнетт убедительно доказывает спорный тезис о большом вкладе, который внесла Византия в развитие оккультных наук средневекового Запада (с. 325–360). Он приводит примеры трактатов по астрологии и магии, которые были переведены с греческого на латинский. Завершает сборник статья Джорджа Салиба, посвященная посреднической роли Византии в процессе передачи астрономических знаний из мусульманского мира в ренессансную Европу (с. 361–373).

В чем же принципиальная новизна сборника? Ведь уже давно вышли в свет материалы коллоквиума, посвященного византийской магии³. Прежде всего, авторы сборника стремились рассмотреть оккультные науки в их социальном и культурном контексте как отдельный исторический феномен. Они сознательно провели границу между магией, имевшей прикладное значение, и оккультными науками, игравшими роль теории. Таким образом, речь шла уже о рождении в Византии собственно науки (в нашем современном понимании) из так называемого оккультного знания. Все

² *Mavroudi M. A Byzantine Book on Dream Interpretation. The Oneirocriticon of Achmet and Its Arabic Sources. Leiden, 2002.*

³ *Byzantine Magic / Ed. H. Maguire. Wash. (D.C.), 1995.*

одиннадцать эссе объединяет идея о том, что оккультные науки и экспериментальное знание были тесно связаны в своем развитии. Поэтому изучение одного невозможно без изучения другого.

В 1923 г. вышел в свет первый том восьмитомной монографии “История магии и экспериментальной науки”⁴. Эта все еще не потерявшая актуальности и научной значимости работа посвящена развитию научного знания на Западе. К сожалению, ничего подобного не сделано на византийском материале. Тем не менее рецензируемый сборник – еще один шаг в этом направлении. Для авторов сборника не вызывает сомнения тот факт, что так называемые “псевдонауки” (окультурные науки) и “рациональные” науки (экспериментальное знание) суть две стороны одной медали.

К каким выводам пришли участники коллоквиума? Во-первых, оккультные науки никогда не были маргинальным явлением в византийской культуре, а во-вторых (и как следствие этого) Византия не занимала маргинального положения в развитии научного знания в Средние века.

Еще одно достоинство книги – обширный сводный список источников и литературы по оккультным наукам в Византии (с. 375–435). Без всякого преувеличения, сборник открывает новую страницу в исследовании оккультного знания в Византии как совершенно отдельной (и очень важной) категории византийской культуры.

К.И. Лобовикова

The Black Sea: Past, Present and Future. Proceedings of the International, Interdisciplinary Conference, Istanbul (14–16th October 2004) / Ed. G. Erkut, S. Mitchell. L.: British Institute of Archaeology at Ankara, 2007. 172 p.

В книге собраны исследования, представленные на международной конференции по истории Причерноморья, организованной в октябре 2004 г. в Стамбуле Британским институтом в Анкаре при поддержке Стамбульского технического университета. С большей или меньшей детализацией в сборнике представлены наиболее важные, по мнению организаторов конференции, направления в изучении истории Причерноморского региона со времени появления там первых поселений (примерно 32 000 лет назад) до наших дней. Географически вошедшие в книгу исследования фокусируются на Причерноморье, но нередко выходят далеко за его пределы, охватывая сопредельные культурно-географические зоны – Кавказ, Подунавье, Балканы, Ближний Восток и т.д.

Сборник открывается вступительной статьей научных редакторов книги Гюльден Эркут (Стамбульский технический университет) и Стивена Митчелла (Экзетерский университет), в котором авторы на основе публикуемых в книге исследований делают попытку дать итоговый эскизный обзор эволюции Причерноморья от древности до наших дней. Авторы отмечают, что Черное море на протяжении всей истории являлось важным фактором единства окружающих его культурно-географических ареалов. В истории Черного моря доминируют движение – людей, товаров и идей. Коммуникативность Черного моря отнюдь не спонтанна и не случайна, но всегда порождалась исторически обусловленными моделями обмена между жителями окрестных регионов. Именно эти специфические для каждого периода формы обмена ответственны за непрерывный процесс экономических и политических преобразований в регионе.

Культурам причерноморских народов, соответственно, всегда была присуща изменчивость и мобильность, но не консерватизм и статика. Однако это не отменяло

⁴ *Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. Vols. 1–8. N.Y., 1923–1958.*